

ДЕЙСТВУЙ!

Закрепить в Конституции право детей с редкими заболеваниями на медицинскую помощь:
петиция

ИНТЕРВЬЮ

Сохраняя, двигаться вперед

15 февраля училищу им. Гнесиных исполняется 125 лет

Фото: Светлана Виданова / «Новая»

Этот материал вышел в № 15 от 12 февраля 2020

ЧИТАТЬ НОМЕР

Часы пробили без четверти четыре. Правда, когда обернулась, стало понятно, что стрелки этих — напольных, с массивным корпусом и маятником — давно замерли на без четверти, а били другие, маленькие, и было на самом деле ровно три часа дня.

— Это часы старинные, они помнят нашего основателя — Елену Фабиановну Гнесину, — объяснила проректор училища Дина Кирнарская. — Это были их семейные часы.

Из-за монитора Macintosh'a показалось лицо секретаря: «Ректор вышел недавно, скоро вернется». По радио увлеченно о чем-то рассказывали.

Из двери напротив показался человек с располагающим лицом — ректор РАМ им. Гнесиных Александр Рыжинский.

— Вы ко мне?

— К вам.

Мы, все трое, заняли места за столом друг напротив друга.

— 15 февраля 125 лет назад первая ученица поступила в Гнесинское училище. О ней что-то известно?

Дина Кирнарская: Во всяком случае, известно, что знаменитостью эта девушка не стала. В этом как раз проявляется демократичность Гнесинской школы: с самого начала в ней учились и те, кто впоследствии стал профессионалом, и те, кто им не стал, что собственно, самое важное: аудитория для нас — всё.

Александр Рыжинский: Мы и сейчас всегда предупреждаем: не все учащиеся музыкальной школы обязательно должны стать профессиональными музыкантами.

Д. К.: Не только школы, но и училища. Музыка дает человеку столько, что он может чувствовать себя

Дина Кирнарская. Фото: zaryadyehall.com

комфортно в любой профессии.

— Когда говорят о Гнесинке, имеют в виду «гнесинскую школу» — не место, а методику преподавания. Что это за методика, как она изменялась со временем?

А. Р.: В первую очередь это знаменитая трехступенчатая система обучения: школа — училище — вуз. Конечно, трансформации происходят, появляются новые специальности, но сама система остается каркасом. Если говорить о методах преподавания, то традиции сестер Гнесиных мы тоже сохраняем, у нас преподают ученики учеников. Вообще, начало XX века — это время становления широкого профессионального музыкального образования в России. Не потому, что не было музыкантов, а потому, что консерваторская традиция была очень молодой. Поэтому все, кто в то время выпускался из московской и петербургской консерваторий, были одновременно исполнителями и педагогами. Отсюда и пошло сочетание этих двух начал в музыкантах. Кстати, современность тоже требует органичного сочетания того и другого в одном человеке. Но на момент открытия училища педагогов не хватало. И Елена Фабиановна всегда настаивала именно на педагогической составляющей. Есть великолепные музыканты, но учить — значит воспитывать, учитель должен уметь передать свои знания. Поэтому и весь курс методики, и весь объем учебно-методической литературы, по которой потом учились во всех советских музыкальных школах и учатся до сих пор, были задачами Елены Фабиановны. До сих пор все ее достижения

Александр Рыжинский. Фото: gnesin-academy.ru

применяются на практике.

Д. К.: Нужно еще вспомнить о том, что школа Гнесиных открыта во время большого культурного и экономического роста, когда появилось новое сословие — средний класс, образованное сословие. До этого у всех были частные педагоги, а вот Елена Фабиановна и ее современники стали открывать частные школы, которые стали востребованы именно в то время. В этом проявилось ее социальное чутье, неслучайно она возглавляла Гнесинку 72 года: она всегда чувствовала и знала, что нужно обществу. Она, безусловно, обладала талантом крупного менеджера.

А. Р.: Именно, потому что только настоящий менеджер может «пробить», например, идею создания вуза — вполне самостоятельной организации, уникама, которого в стране до тех пор не существовало.

— На сайте Гнесинки — множество анонсов разных фестивалей и конкурсов, ваши ученики постоянно в них участвуют. Как вы считаете, насколько важно начинающему музыканту соревноваться, побеждать, проигрывать? Насколько это воспитывает?

А. Р.: Вся эта фестивальная жизнь может быть одной из составляющих творческого пути музыканта. Но говорить, что без конкурсов не может состояться профессиональный музыкант, нельзя. Конечно, участие в конкурсах связано еще и с тем, что для всяких видов аттестации всегда нужно показывать диплом. Вот ученым понятнее: есть кандидатская, дальше докторская, публикации, аспиранты. А музыкантам, да и не только им, приходится показывать, что у них «все хорошо»: вот я, сам лауреат и лауреатов воспитываю. А уровень этого лауреатства под большим вопросом.

Д. К.: Вообще самый главный критерий работы педагога — это когда от него не уходят ученики.

А. Р.: Вот именно. Можно быть лауреатом конкурса Чайковского, почти небожителем, или лауреатом совсем другого конкурса, где собрались члены жюри и решили: ну, давайте всех участников лауреатами сделаем, чтобы никого не обижать. Разница между ними колоссальная. И если маленький музыкант ездит из города в город, с фестиваля на фестиваль с одной и той же программой, не имея собственной жизни, в этом тоже ничего хорошего нет. Но если у него есть потребность в этих выступлениях, в нервном состоянии перед выступлениями, в ожидании результата, тогда пожалуйста. Могу сказать, что в моей жизни конкурсы сыграли большую роль, но я всегда был очень избирательным и принципиально участвовал только в тех, где было трудно. Самое обидное — соревноваться со слабыми.

— Тогда вопрос о сильных и слабых. Людям, мало знакомым с исполнительским искусством, может казаться, что задача, скажем, пианиста сводится только к чистому воспроизведению написанных кем-то нот в правильном порядке. Что тогда отличает гениального пианиста от среднестатистического?

А. Р.: Есть такой термин, как «исполнительское прочтение». Кто-то работает в более брутальной манере,

кто-то в филигранной. По сути, фортепиано ведь ударный инструмент — молоточек бьет по струне. А под рукой пианиста он превращается в элегантнейший, тончайший, как скрипка. И слыша один и тот же инструмент, слышишь разные краски, разные тембры, разные голоса. И организм реагирует на эти бесконечные вариации по-разному, нерационально: плачем, смехом. Вспомните легенду об Орфее. Были ведь и до него музыканты, но только ему одному удавалось приводить всех в экстаз звуками своей арфы. На самом деле музыкант не работает — он живет. Есть, конечно, и те, кто просто обрабатывает преЙскурант, но вы всегда таких отличите. А по поводу точности и чистоты — это совсем не самое главное. Даниил Крамер, например, специально учил своих учеников ошибаться. Ошибся — обыграй. Сымпровизируй и иди дальше. Жизнь на этом не останавливается. Главное — то, что ты здесь, в музыке.

Фото: Светлана Виданова / «Новая»

— А есть ли какие-то конкретные способы увидеть будущего великого музыканта в ученике, который только-только к вам пришел и пытается что-то вам показать?

А. Р.: Одной-двух встреч, часто даже нескольких лет мало, чтобы что-то понять о человеке. Хотя бывает, что при приеме в класс, когда сидишь в составе приемной комиссии, видишь человека, близкого по мировосприятию, по духу. Имеет значение даже не столько музицирование, сколько то, как человек говорит, смотрит, как реагирует. Все это может дать какое-то представление, но такого, чтобы хлопнуть по столу ладонью и сказать: «Все! Этот человек перевернет наш мир!», — быть не может. Только что закончился конкурс имени Рахманинова, где участники — дети от шести лет, и я был этими детьми потрясен. В их возрасте я даже не знал, как инструмент называется, а они им уже владеют. Но мэтры, глядя на них, говорят: «Прекрасные дети, все замечательно, кроме одного — мы не можем

гарантировать, что хотя бы половина из них дойдут до сцены». И скорее всего, так и будет. У нас все-таки принцип селекции на всех уровнях. Но ведь не обязательно же быть музыкантом. Вот Елена Фабиановна училась музыке, но пианистом не стала, а стала шедевральным педагогом. Или наоборот: я знаю одного кандидата физико-математических наук, который возглавил кафедру фортепиано. Просто в какой-то момент любовь к музыке пересилила, и он ушел из науки. Вспомните образ Шерлока Холмса. Зачем ему нужна была скрипка? Да чтобы показать, что он живой человек, очень тонкий человек!

Д. К.: Кстати, о детях на конкурсе Рахманинова. Я разговаривала с одним из участников, мальчик приехал из Гонконга. Я спросила провокационно: «А вы собираетесь быть музыкантом?» Ничего подобного, даже не думает! Притом что участвует в международных конкурсах. Но он понимает, какую важную роль играет музыка в его развитии и доверяет ей свою личность. Так что музыкальное образование нужно понимать шире: это прежде всего катализатор развития — умственного, духовного, какого угодно. Человек с музыкальным образованием найдет применение своему таланту. Приведу мое любимое изречение:

«Главное — это любовь, любовь к музыке. Любовь всегда дает некоторое знание, но я никогда не слышал, чтобы знание рождало что-либо, подобное любви».

Это сказал Артур Шнабель, великий пианист. Для нас главное, чтобы ученики музыку любили, остальное приложится.

— Часто ли вам приходится говорить «приходите завтра»?

А. Р.: Это вы отсылаете к фильму, который снимали в нашем вестибюле? Действительно, порой надо говорить то, что людям неприятно слышать. Это можно сравнить с работой хирурга: ты должен сделать больно, чтобы помочь человеку.

Д. К.: Это своего рода моральный долг преподавателя. Об этом писал гнесинец, Тимофей Докшицер, выдающийся трубач и педагог. Он писал, что учитель обязан сказать ученику, что тот занимается не своим делом. Учитель обязан сказать правду. Можете считать это методикой «гнесинской школы».

— Когдаходишь к Гнесинке, уже на улице становится понятно, что это единый инструмент или оркестр. Как звучит Гнесинка?

А. Р.: Традиционно у нас на одном этаже располагаются ударные, на другом — духовые и так далее, так что звучание меняется даже внутри здания. Но если взять звучание во времени, то оно, конечно, меняется: трудно было бы представить сестрам Гнесиным, что в этих стенах зазвучат электрогитары. Сегодня звучание Гнесинки многоголосое: только из струнных в здании могут одновременно звучать гусли и арфа. Где-то звучит виброфон, где-то — электронная музыка. Где-то музыкант академического направления играет Рахманинова, а джазовый музыкант — аранжировку «Маленькой ночной серенады»

Моцарта. Звучание меняется, любое повторение, любая одинаковость — это рутина, а мы ориентируемся на обновление. Музыка нуждается в импровизации: в новых звуках, новых сочинениях, новых манерах исполнения. Хотя музыканты — люди консервативные, но все здесь уживается в гармонии.

Д. К.: Это касается не только самой музыки, у нас есть и звукорежиссура, и продюсерство, и музыкальная журналистика — множество специальностей.

А. Р.: Причем всем этим специальностям нет и десяти лет. Мы не должны стоять у конвейера, выполняя свою норму трудочасов. Мы хотим, сохраняя, двигаться вперед.

Д. К.: Новый девиз родился.

А. Р.: Да, можно сказать, что и девиз. «Сохраняя, двигаться вперед». В Гнесинке все с этого начиналось и, слава богу, до сих пор не заканчивается.

Друзья!

Если вы тоже считаете, что журналистика должна быть независимой, честной и смелой, станьте соучастником «Новой газеты».

«Новая газета» — одно из немногих СМИ России, которое не боится публиковать расследования о коррупции чиновников и силовиков, репортажи из горячих точек и другие важные и, порой, опасные тексты. Четыре журналиста «Новой газеты» были убиты за свою профессиональную деятельность.

Мы хотим, чтобы нашу судьбу решали только вы, читатели «Новой газеты». Мы хотим работать только на вас и зависеть только от вас.

[СТАТЬ СОУЧАСТНИКОМ](#)

Теги: образование, музыканты, музыка

